

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ**

В статье анализируется деятельность губернских и уездных крестьянских съездов 1917 г. в Поволжье, показано их влияние на решение аграрно-крестьянского вопроса в революции и формирование местных властных структур

Ключевые слова: аграрная революция, крестьянские съезды, крестьянские комитеты и советы.

Аграрная революция в Поволжье по своему размаху превзошла городскую. Значительную роль в ее организации сыграли крестьянские съезды. Они координировали деятельность крестьянских комитетов и советов; на них обсуждался весь комплекс вопросов «текущего момента» революции. Съезды были объектом острейшей политической борьбы, поскольку являлись наиболее представительными социальными объединениями. Крестьяне наделяли съезды правотворческими полномочиями, и они их оправдывали: принимали местные законы о формах земельной собственности, принципах ее налогообложения, нормах представительства в губернские и уездные властные структуры. Первые крестьянские съезды в губерниях Поволжья стали созываться уже в марте 1917 г. Их организаторы ставили целью довести декларации и постановления Временного правительства по земельному вопросу до крестьян, надеясь предотвратить возможные «аграрные беспорядки». Центральная власть, заявляя об охране частной собственности, запрещении пересмотра арендных цен, перераспределении рабочей силы из числа военнопленных в помещичьих экономиях, откладывала решение земельного вопроса до Учредительного собрания. В целом лояльные к указаниям правительства делегаты этих съездов пожелали внести некоторые коррективы в существовавшие поземельные отношения. Объясняли они это особенностями аграрного развития в каждом отдельном регионе.

I Симбирский губернский крестьянский съезд, начавший свою работу 20 марта 1917 г., декларировал, что «окончательное решение земельный вопрос должен получить после созыва Учредительного собрания» [20, с. 29]. Однако на нем было высказано «пожелание, чтобы население воздержалось от покупки в собственность земли от кого бы то ни было», и разрешено бесплатное пользование пастбищами по усмотрению волостных комитетов, по соглашению с заинтересованной стороной. Волостные комитеты без всякого согласования с земельными собственниками повсеместно стали устанавливать «слишком низкую арендную плату» [11, л. 26]. Кроме того, они посылали запросы в губернские органы власти и самоуправления, спрашивая: «можно ли

* © Кабытова Н.Н., 2013

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

на основании решения губернского крестьянского съезда 20–21 марта отобрать волостным сходам земли частных владельцев и помещичьи?» Не ограничиваясь пожеланиями и запросами, крестьяне уже в апреле 1917 г. стали на сходах принимать приговоры «“О передаче частновладельческой и уездной земли” в их собственность, ссылаясь на постановление губернского съезда» [12, л. 60].

Один из лидеров симбирских эсеров А.Р. Сенъев, анализируя ситуацию в деревне весной 1917 г., отмечал: «Несмотря на постановления крестьянского съезда о том, что свое решение земельный вопрос должен получить в Учредительном собрании, в деревнях и селах начались уже самовольные захваты крестьянами частновладельческой земли и самовольная рубка лесов» [32]. Канцелярия губернского комиссара вынуждена была рассылать по всей губернии разъяснения о том, что «постановления съезда 20–21 марта являются только пожеланиями собравшихся и никакой законодательной силы не имеют» [12, л. 81]. Данные факты наглядно подтверждают, что крестьяне в своем стремлении к ликвидации помещичьего и другого частного землевладения опирались даже не на конкретные решения съезда, а на сам факт его созыва, полагая, что крестьянский съезд имеет право и должен решить аграрный вопрос в их интересах.

Первый Самарский губернский крестьянский съезд, проходивший 25–29 марта 1917 г., в своих постановлениях также окончательное решение земельного вопроса отложил до Учредительного собрания. Однако делегаты съезда заявили о своих претензиях на участие в выработке аграрного законодательства, считая, что «формы перехода земли в руки трудового народа должны быть разработаны на специальных крестьянских съездах» и «окончательно утверждены в законодательном порядке» [33, с. 93]. При этом съезд специально подчеркнул, что частная собственность на землю должна быть уничтожена Учредительным собранием. Заметим, что это требование прозвучало уже в марте 1917 г. на съезде, где делегатов из крестьян почти не было.

Принятые съездом «Временные правила о пользовании землей», декларируя необходимость отмены частной собственности на землю, предлагали подождать с осуществлением этого принципа до Учредительного собрания. В то же время не засеянные помещиками пахотные земли изымались у них и поступали в распоряжение крестьян. Одновременно на съезде были приняты решения о понижении арендных цен, увеличении посевной площади, прекращении сделок по купле-продаже земли, приостановке выхода крестьян из общин на отруб. В «Правилах» говорилось также о необходимости реквизировать и передать крестьянским организациям не используемый владельцами сельскохозяйственный инвентарь. Двойственный характер решений съезда вполне объясним: его организаторы стремились поддержать аграрную политику Временного правительства и одновременно расширить свое влияние в крестьянской среде.

В апреле 1917 г. вполне очевидно проявилось стремление российского крестьянства к развитию революционных преобразований аграрных отношений. Крестьянские съезды, проходившие в условиях весеннего наступления крестьян-общинников на права земельных собственников, непременно провозглашали «отмену частной собственности на землю в пределах Российской республики навсегда». Первый Саратовский губернский крестьянский съезд, работавший 7–10 апреля 1917 г., объявил «все земли, со всеми недрами и водами достоянием народа» [33, с. 111]. При сравнении декларативной и постановляющей частей решений Саратовского губернского съезда вполне отчетливо проявилось расхождение между революционным фразерством и конкретными делами его организаторов. Переходя к конкретным вопросам организации землепользования, составители резолюции по аграрному вопросу заявили, что «захват частновладельческих земель до нового земельного строя, установленного Учредительным собранием, недопустим» [33, с. 112]. Местные продовольственные ко-

митеты могли взять на учет и распределить между нуждающимися по установленным комитетам ценам лишь те излишки земель, которые владельцы не смогли по каким-либо причинам отдать в аренду. Естественно, подобные решения не могли удовлетворить крестьянство губернии. Через свои низовые комитеты они стали брать под контроль все земельные угодья в пределах административного влияния этих комитетов и перераспределять земельный фонд на уравнильных началах [13, с. 95–100].

Первый Пензенский губернский крестьянский съезд, проходивший одновременно с Саратовским, был еще радикальнее в своих решениях по земельному вопросу. Аграрная губерния старого заселения с большим числом средних поместных землевладений, где крестьяне испытывали острое малоземелье, с начала революции была отмечена «беспорядками и эксцессами на почве земельных отношений». Сообщения, подобные тому, что «местные крестьяне начали рубить принадлежавший торговому дому Карпова лес» [3, л. 3], начали поступать в канцелярию Пензенского губернского комиссара уже в первой половине марта 1917 г. В этих условиях и губернский, и уездные крестьянские съезды выдвинули революционные требования по земельному вопросу. Пензенский губернский съезд, принявший 9 апреля постановление «О временных мерах к разрешению земельного вопроса», откладывал окончательное разрешение его до Учредительного собрания и одновременно призывал крестьян не допускать разрушения материальных ценностей. Тем не менее «все земли государственные, удельные, дворянского, крестьянского поземельных банков, монастырские, церковные, городские и другие» съезд передавал в распоряжение волостных комитетов, «за исключением опытных полей общественного значения» [28, с. 53].

Волостные исполнительные комитеты в соответствии с «Временными мерами», разработанными съездом, должны были заниматься всеми вопросами распределения и использования земель и инвентаря, регулировать трудовые взаимоотношения, в том числе регламентировать рабочий день сельскохозяйственных рабочих. Они же в пределах волости решали все другие вопросы административно-хозяйственного управления. Уездные крестьянские съезды, проходившие в Пензенской губернии почти одновременно с губернским, также призывали крестьян сохранять полное спокойствие «в ожидании земли и воли, которые народу даст Учредительное собрание» [15]. Однако требования крестьян по земельному вопросу и на уездных съездах заключались в безоговорочной ликвидации всякой частной собственности на землю. Выступая за передачу всех земель в руки крестьян, составители резолюций по аграрному вопросу всячески пропагандировали обработку земли в товариществах. Необходимо отметить, что принимая подобные решения, крестьянские съезды рассматривали их не как пожелания по разрешению земельного вопроса, а как закон, который до окончательного решения Учредительного собрания должен функционировать в губернии.

Для осуществления своих постановлений крестьяне создавали соответствующие условия, ставя крупных землевладельцев в такое положение, когда они не в состоянии были обрабатывать свои земли, лишившись рабочей силы в лице арендаторов, батраков, солдатских дружин и военнопленных. Все земли передавались в ведение волостных комитетов, которые, воспользовавшись таким положением землевладельцев, имели право взять их земли как необработываемые. Таким образом, крестьяне последовательно и методично выживали помещиков и других крупных земельных собственников с их земель, используя постановления крестьянских съездов как законодательную основу для своих действий.

Представители местной администрации Временного правительства пытались, как могли, препятствовать распространению влияния решений съездов на крестьян, заявляя, что эти резолюции носят характер пожеланий, а не закона. С этой целью после первого крестьянского съезда в Пензенской губернии предприимчивые местные чи-

новники решили пойти по пути созыва уездных крестьянских съездов с тем, чтобы противопоставить их революционным решениям губернского съезда. Саранский исполнительный комитет через исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов созвал уездный крестьянский съезд, который откладывал окончательное разрешение земельного вопроса до Учредительного собрания. Декларируя лозунг о том, «что земля должна принадлежать трудящимся на ней, съезд признает в интересах всего государства необходимым... не допускать никаких насилий и захватов земель...» В то же время он постановил, что «земли государственные, удельные, дворянского и крестьянского поземельного банков и другие, если они не будут засеяны... поступают в распоряжение волостного комитета» [28, с. 78].

Условия же, при которых земельные собственники не могут засеять свои земли, были обеспечены решениями губернского съезда. Крестьяне на уездном съезде не только не отменяют их, а развивают, обявывая волостные комитеты для правильного использования всех земель произвести их учет, т. е. перейти к непосредственным действиям по изъятию частновладельческого земельного фонда. Убедившись в том, что делегаты уездных крестьянских съездов так же, как и губернского, не хотят уступать своих позиций по земельному вопросу, бюро Пензенского губернского временного исполнительного комитета по предложению губернского комиссара в начале мая разослало в уезды своих членов «для выяснения недоразумений и вопросов, возникающих на местах в связи с постановлением крестьянского съезда» [2, л. 77].

Апрельский кризис Временного правительства привел к образованию нового его коалиционного состава. В связи с этим несколько изменилось отношение крестьянских съездов к политике и тактике Временного правительства. С одной стороны, стала наблюдаться тенденция противопоставления низовых, крестьянских комитетов уездным и губернским органам (исполнительной власти Временного правительства), а с другой — в руководящих органах крестьянских съездов начались дебаты о том, чтобы весь состав Временного правительства приветствовать или только министров-социалистов. Иногда на крестьянских съездах принимались решения о поддержке правительства «постольку-поскольку» в зависимости прежде всего от его аграрной политики.

II Пензенский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 15–17 мая 1917 г., учитывая сопротивление имущих классов, решительно выступил с подтверждением аграрных требований, высказанных на съезде. Он принял безоговорочное решение о переходе всех частновладельческих земель «на учет волостных исполнительных или земельных комитетов» и распределении их «между трудовой, не наемной силой волости» [28, с. 79]. Здесь же было подтверждено решение первого губернского съезда о взятии на учет всего частновладельческого живого и мертвого инвентаря с дальнейшим распределением его между нуждающимися. Фактически II крестьянский съезд Пензенской губернии передал в руки организованного крестьянства земли помещиков и других землевладельцев. Это явилось юридической основой для крестьян, уже приступивших к захвату и переделу земель. Например, председатель Керенской уездной земской управы докладывал, что «крестьяне под влиянием постановлений Пензенских губернских крестьянских съездов стали запахивать частновладельческие земли. Всего весной 1917 г. запахали яровой земли, принадлежащей владельцам, 2151 десятину» [6, л. 18 об.].

Значение постановлений крестьянского съезда по земельному вопросу признавал и губернский комиссар Временного правительства, который в своем донесении министру земледелия отметил, «что постановления Совета крестьянских депутатов для населения будут достаточно авторитетны, тем более что они идут навстречу давнишней мечте крестьянства... что какая-либо решительная борьба с самовольным прове-

янских съездов и советов, в деревне происходит ликвидация частной собственности на землю, луга, леса, сельскохозяйственный инвентарь.

Ярким подтверждением поощрения черного передела был I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, состоявшийся 6–13 мая 1917 г. Он обобщил уже имевшийся опыт борьбы крестьян за землю, постановления прошедших в некоторых уездах крестьянских съездов, наказы крестьян своим делегатам как на губернский, так и на Всероссийский съезды. 7 мая съезд избрал комиссию для выработки «Наказа» делегатам на Всероссийский съезд. 8 мая на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов и делегатов крестьянского съезда произошло слияние Советов. Но оно носило формальный характер, так как крестьянский Совет работал самостоятельно, хотя и считался лишь крестьянской секцией объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы имели свои исполнительные комитеты, финансы, газеты. Деятельностью исполкома крестьянской секции Казанского Совета руководили эсеры левого направления. По свидетельству члена исполкома И. Волкова, «работать крестьянскому Совету с Советом рабочих и солдатских депутатов было крайне трудно. Численно он нас превосходил... а к нашим требованиям и интересам относился с недостаточным вниманием» [16, с. 98].

13 мая 1917 г. на заседании крестьянского съезда обсуждался пятый пункт «Наказа делегатам на Всероссийский крестьянский съезд». Выступавшие представители от уездов, наиболее охваченных крестьянским движением — Спасского, Лаишевского, Чистопольского, — заявили о необходимости немедленно передать все частновладельческие земли в ведение волостных комитетов. И.М. Ионенко, детально проанализировавший обсуждение аграрного вопроса на съезде, отмечал, что радикальное его решение инициировали большевики, поддержанные крестьянскими депутатами Купцовым, Меркуловым, Сорокиным, Черновым, Владимировым. Однако постановление от 13 мая по земельному вопросу отражало позицию казанских эсеров-интернационалистов, лидер которых А.Л. Колегаев прямо заявил: «Землю надо отбирать организованно. Упразднить порядок пользования землей по праву собственности, т. к. при этом порядке лет через 10–15 выйдут те же помещики» [19].

Конфискационные требования содержались во многих наказах крестьян. Председатель Морквинского волостного комитета Царевококшайского уезда солдат Коведяев от имени крестьянского схода требовал немедленной ликвидации помещичьих земель владений [22, л. 6]. Крестьяне Жедяевской волости Спасского уезда, Старо-Челнинской волости Чистопольского уезда, Арбанской волости Царевококшайского уезда и другие требовали в своих наказах съезду немедленно передать все земли трудовому крестьянству. При обсуждении земельного вопроса на I Казанском губернском крестьянском съезде дебатировались различные направления в его решении. Большая часть делегатов высказывалась за немедленную передачу всех частновладельческих земель, а также скота, инвентаря и построек в ведение волостных комитетов. Поступали даже предложения немедленного распределения помещичьих земель и инвентаря между крестьянами. Некоторые делегаты съезда пытались образумить товарищей, как это сделал Никитин. Апеллируя к «постановлению съезда рабочих и солдатских депутатов в Петрограде», он призвал «не допускать самочинных захватов земли до Учредительного собрания» [30, с. 43]. Ожесточенные споры на съезде вызвал вопрос об отношениях крестьян-общинников с отрубниками и хуторянами. В конечном итоге большинство делегатов высказалось за неприкосновенность всех крестьянских земель и пока воздержалось от возврата в общину отрубников. В то же время крестьяне твердо заявили, что «земли, скупленные у отрубников в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими» и должны поступить в ведение волостных комитетов.

Итогом всех дискуссий по земельному вопросу в Казанской губернии было постановление съезда от 13 мая 1917 г. Оно передавало все частновладельческие пахотные земли и луга в распоряжение волостных комитетов. Они же должны были взять на учет по описи весь инвентарь, скот и хозяйство помещиков. Постановление обязывало комитеты составлять подробные описи имений в присутствии хозяина или его управляющего, что делалось с целью предотвращения расхищения имущества. Съезд высказался против немедленного раздела земли, но на практике это требование часто не соблюдалось крестьянами. Они не желали ждать Учредительного собрания, а взяв землю, стремились побыстрее закрепить ее за собой.

Механизм исполнения решений Казанского губернского крестьянского съезда был следующим: непосредственной организацией землепользования занимались низовые крестьянские комитеты: общественной безопасности, земельные, продовольственные. Координировали их деятельность губернский и уездные (где они были созданы) Советы крестьянских депутатов. Таким образом, Казанский губернский Совет крестьянских депутатов превратился в штаб радикальной аграрной реформы в крае, проводимой исключительно по инициативе местных революционных сил. В результате такой позиции крестьянского Совета резко обострились его взаимоотношения с меньшевистско-эсеровским Советом рабочих и солдатских депутатов, который поддержал усилия администрации по пресечению аграрных беспорядков в губернии. В результате объявленное на съезде слияние Советов не привело их к единым действиям до осени 1917 года.

На уездных крестьянских съездах Казанской губернии, проходивших в мае—июне 1917 г., земельный вопрос был также в центре внимания делегатов. Они высказывались за непереносимое уничтожение частной собственности на землю, но единства в сроках реализации этого пожелания не было. В уездах с массовым крестьянским движением съезды принимали решение передать немедленно все земли «в бесплатное пользование народу через земельные волостные комитеты и комитеты общественной безопасности» [30, с. 97]. Такое решение приняли делегаты Спасского уездного крестьянского съезда, проходившего 28—30 мая 1917 г. В то же время Тетюшский уездный крестьянский съезд в резолюции по земельному вопросу от 25 мая 1917 г. подчеркнул, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание. Прерогативы волостных комитетов съезд ограничил, заявив, что они «могут лишь отменять и изменять невыгодные для крестьян условия землепользования» [14, с. 54].

Необходимо заметить, что крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса. Например, Спасский уездный продовольственный комитет, который возглавлял большевик Г.С. Гордеев, объявил себя исполнителем решений Казанского губернского крестьянского съезда. Под его руководством крестьяне стали отбирать и делить помещичью землю, рубить лес, отбирать весь инвентарь, лошадей, рогатый скот и снимать рабочих. На Спасском уездном съезде делегатов и уполномоченных от волостей, сел и деревень, проходившем 29—30 мая 1917 г., было решено реквизировать у помещиков плуги, жатки, железо и другие сельскохозяйственные машины. Этот съезд «присоединился к постановлению Всероссийского Совета крестьянских депутатов... в отношении немедленного отображения до созыва Учредительного собрания всех земель как у помещиков, так и у крупных собственников... и передал их в пользование народу через земельные волостные комитеты общественной безопасности» [34, с. 296]. Отметим, что ни I Всероссийский съезд, ни Всероссийский Совет крестьянских депутатов таких решений не принимали. Радикальное руководство Спасского уездного съезда намеренно отождествило постановление губернского съезда со

Всероссийским для придания авторитета первому. Большевики и эсеры левого направления прибегли к дезинформации крестьян, чтобы еще больше дестабилизировать социальную обстановку в стране.

Более осторожные и ответственные за свои действия крестьянские комитеты, советы и съезды руководствовались умеренными постановлениями I Всероссийского крестьянского съезда, но выражали пожелания ускорить решение земельного вопроса. Например, Чистопольский съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, проходивший в июне 1917 г., присоединился «к резолюции по аграрному вопросу, принятой Всероссийским Советом крестьянских депутатов», но тем не менее «просит немедленного распоряжения правительства о передаче всех пахотных, помещичьих, казенных, удельных, монастырских и церковных земель в полное распоряжение волостных продовольственных, земельных комитетов» [21, с. 98]. Были и такие организации, которые осуществляли черный передел самостоятельно, без всяких ссылок на постановления съездов и советов. Так, в Лаишевском уезде в некоторых местностях отобранную у помещиков «землю комитет распределил бесплатно» [31, с. 159] среди малоземельных крестьян уже летом 1917 года.

Административные органы власти пытались помешать реализации постановлений губернского крестьянского съезда, санкционировавшего организованные захваты крестьянами помещичьих земель. Они требовали, чтобы «волостные комитеты в своей деятельности руководствовались только постановлениями Временного правительства», объявляя, что «неподчиняющиеся требованиям власти лица подлежат суду». Такое предписание послал 30 мая 1917 г. Лаишевский уездный комиссар Аркатовскому волостному комитету, указав, что он «не имеет права проводить в жизнь постановление общего собрания граждан об обложении частновладельческих земель теми или иными сборами как незаконное» [23, л. 105]. Волостные комитеты, отстаивая подобные решения, ссылались на постановление I Казанского губернского крестьянского съезда, по сути уполномочившего их на проведение конфискационных мероприятий.

Казанский Совет крестьянских депутатов настойчиво стремился провести в жизнь решения губернского съезда, направляя и организуя действия крестьянских комитетов по изъятию помещичьих земель. При этом он не только поощрял захватные действия крестьян, но и требовал полной конфискации всей помещичьей собственности. В случае поступавших от землевладельцев жалоб на действия волостных комитетов Совет крестьянских депутатов, как правило, оставлял их без удовлетворения, отмечая, что они действуют «на основании постановлений Всероссийского Совета крестьянских депутатов от 25/V-1917 г. и постановления общего собрания Казанского губернского Совета крестьянских депутатов от 13/V-1917 г.» [24, л. 65].

Против захватных действий крестьянских комитетов выступили также земства. Между руководителями волостных комитетов и представителями уездных земств часто возникали споры по поводу раздела помещичьей земли и выполнения постановления крестьянского Совета. Губернский Совет крестьянских депутатов, осуществляя контроль за выполнением своих решений, стремился одновременно уничтожить старые, кабальные формы аренды. Он, например, предложил Спасскому уездному продовольственному комитету «удовлетворить нужды крестьян, разрешив им скосить помещичьи луга, но отнюдь не издольно» [25, л. 89]. Конечно, уездное земство выступило против такого решения, как и против других самовольных изменений аграрных отношений, т. к. они нарушали все распределение земских сборов.

В тех случаях, когда крестьянские организации проявляли колебания, нерешительность и придерживались правительственных принципов в земельных вопросах, они теряли авторитет у крестьян. Сельские общества в таких случаях решали вопросы помимо этих учреждений, на сходах и собраниях переизбирали состав комитетов,

вводя в них более радикальные элементы. Общинный механизм социальных действий крестьян позволял им контролировать деятельность низовых исполнительных, земельных, продовольственных и других комитетов. От общины зависело, кого избрать в комитет, а кого нет, кого послать на съезд, какой дать наказ и как его отстаивать.

На I Казанском губернском крестьянском съезде национальные общественно-политические организации не были представлены, т. к. они оформились позднее. Наиболее крупная из них — Мусульманский социалистический комитет — инициировала созыв мусульманского крестьянского съезда. Он готовился при участии инородческой секции исполнительного комитета Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. Мусульманский съезд, работавший 3–7 июня 1917 г., основное внимание уделил обсуждению аграрного вопроса. Открывший съезд руководитель Мусульманского социалистического комитета М. Вахитов подверг резкой критике позиции татарской буржуазии, сотрудничавшей с местной администрацией Временного правительства. В своей речи он призвал крестьян объединиться с рабочими в борьбе за свои социально-экономические требования. «Рабочий класс всецело помогает вам взять землю из рук помещиков-землевладельцев, — убеждал крестьян М. Вахитов. — Получив землю, вы не забудьте, что все фабрики и заводы должны перейти в руки героев-пролетариев. Вот в этом деле вы и должны помочь рабочим» [16, с. 103–104].

Решения, принятые мусульманским съездом по аграрному вопросу, требовали передать все частновладельческие земли крестьянству. Иначе и не могло быть. Выступавшие на съезде депутаты прямо указывали на постановление Совета крестьянских депутатов от 13 мая как правовую основу для ликвидации помещичьего землевладения. Организационные мероприятия для реализации этих постановлений Совет крестьянских депутатов и Мусульманский социалистический комитет проводили совместно. Между А. Колегаевым и М. Вахитовым была достигнута договоренность о совместных действиях, а заместитель председателя исполкома крестьянского Совета Ф. Хакимов разделял взгляды социалистов-мусульман [27, л. 209–210].

Члены Мусульманского социалистического комитета участвовали в работе губернского и уездного крестьянских съездов в Казани, Свияжске, Мамадыше, Чистополе. Они вместе с большевиками и эсерами занимались пропагандистской работой среди солдат тыловых гарнизонов, отпускаясь в деревни на сельскохозяйственные работы. Солдаты-фронтовики, матросы-бунтари и вовсе прибывали в губернию с агитационными целями. Они избирались в сельские и волостные комитеты, возбуждали крестьянские общества на разгромы помещичьих имений. Так, гельсинфорский матрос-большевик Г. М. Хаиров работал в Мамадышском уезде по заданию Мусульманского социалистического комитета [26, л. 47]. Таким образом, в ходе реализации аграрных требований крестьян мы наблюдаем тесное единение всех народностей, населявших Казанскую губернию.

Исследователи, занимавшиеся анализом революционных событий в Поволжье, отмечали особое положение, сложившееся в Самарской губернии в результате решений II губернского крестьянского съезда, работавшего с 20 мая по 6 июня 1917 г. [17] Этот съезд наглядно продемонстрировал активное стремление крестьян сознательно влиять на ход политических событий в стране. Организаторы съезда, умеренные социалисты-революционеры, составлявшие ядро Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, пытались удержать делегатов в рамках утвержденной исполкомом повестки. Ее содержание сводилось к обсуждению организационных мероприятий, а взрывоопасный аграрный вопрос откладывался до открытия всесословного съезда. На нем крестьянские делегаты заседали совместно с представителями других

сословий, что позволяло хоть как-то умерить деревенский радикализм. Такая тактика руководителей крестьянского Совета успеха не имела.

Большинство делегатов съезда съехалось с намерением творить закон для регулирования аграрных отношений в губернии. Вот как оценивал ситуацию член губернского крестьянского Совета М.Т. Игаев: «Настало время, когда каждый человек, достойный высокого звания гражданина, должен, внимательно оглядевшись вокруг, сказать себе и другим, что нельзя жить дальше так, как мы живем теперь. Мы тонем в несправедливости и разнузданности, хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах. Спасение страны — в разумном творчестве, в осознании порядка, организованности и права; в этом основа гражданской жизни» [29, с. 4]. Все попытки предостеречь крестьян о том, что «прямой и самый короткий путь часто бывает и самым трудным... и неудобным, иногда и самым опасным» [29, с. 8], не имели успеха у делегатов съезда.

В ходе обсуждения вопроса о земле на II Самарском губернском крестьянском съезде выявились две точки зрения на его решение: умеренно-реформаторская и радикально-конфискационная. Осторожный, взвешенный подход проявили организаторы съезда, убеждавшие крестьян подождать с окончательным решением земельного вопроса до Учредительного собрания. В кратком докладе С.А. Волкова «О земле» были представлены общие мнения «социалистов-революционеров и министра Чернова» о том, что «вопрос об уничтожении частной собственности пока не должен быть разрешен окончательно». П.Д. Климушкин в содокладе страстно обличал вековую несправедливость в пользовании землей, сложившуюся в России (не обойдя при этом вниманием, как вся эсеровская пропаганда того времени, фривольные нравы двора Екатерины II). Он предложил «все земли... взять в ведение волостных комитетов под учет... но не раздел, не захват». Выступивший вслед за ним И.М. Брушвит заявил: «Земля должна перейти к крестьянству, переход нужно начать осуществлять немедленно. Но сейчас нельзя переделывать землю, т. к. солдаты кинутся, фронт немцы прорвут. Россия погибнет, если будем разбирать, кто что может» [29, с. 42].

Развернувшаяся на съезде дискуссия о сроках ликвидации частной собственности на землю опрокинула все расчеты эсеров-реформаторов на поэтапное решение вопроса. Симпатии собравшихся вызвали только предложения немедленного и радикального изменения всех земельных отношений — и старых, и новых. Показательно в этом плане выступление делегата Иванова, заявившего, что в докладе Волкова по земельному вопросу не предлагаются конкретные меры по его решению, а «льются крокодиловы слезы о культуре помещичьих полей». И далее оратор с возмущением продолжил: «Кто же это плачет? Плачут это те же буржуа и кадеты, которые разъезжают по деревням и селам со своей агитацией. Если же говорить о культуре как таковой, то чьими же руками производилась культура помещичьих полей. Теми же мозолистыми руками. Будут у крестьянина средства, будет и культура, он создаст ее». Еще более непримирим он к владениям хуторян и отрубников: «Введение отрубного хозяйства — это ставка на сильных. Ее поставил Столыпин. Столыпин убит как злодей народа, будет убито Учредительным собранием и его детище, то есть отрубное хозяйство» [29, с. 42].

После таких «зажигательных», по радостному утверждению делегата Лукьянова, речей руководители президиума съезда вынуждены были оправдываться в своих намерениях, заявлять, что и они против «юридического права собственников на землю». Лавирование эсеров было использовано большинством крестьянских делегатов съезда для дальнейшего на них давления с целью образования новой комиссии для решения земельного вопроса в радикально-конфискационном плане по отношению к любым формам частной собственности. Выступая с решительной критикой выдвинутых эсерами предложений по временной стабилизации земельных отношений до Уч-

редительного собрания, делегат Егоров заявил: «Плата за землю частным владельцам недопустима... если мы будем откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, как предлагают гг. Климушкин, Брушвит и др., то будет ли от этого лучше... Нам всегда говорят “потом, потом, потом”, а теперь до Учредительного собрания... С этой землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя» [29, с. 44].

Это был явный намек на разглагольствующих эсеров. Требования крестьянских депутатов о немедленном решении земельного вопроса поддержали на съезде и представители гарнизонного Совета крестьянских депутатов, заявив, что «передача земли в руки трудового народа должна быть немедленной». В своих выступлениях крестьянские депутаты опирались непосредственно на указы о земле, выработанные на сельских сходах, волостных съездах, ротных и полковых собраниях в гарнизонах. Эти указы вручались делегатам как II губернского, так и I Всероссийского крестьянских съездов. Так, в своем наказе делегату от Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии крестьяне в §2 записали: «Вся земля, как то: казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и частновладельческая должна принадлежать трудящемуся народу, т. е. тем, которые обрабатывают ее своими руками». Крестьяне требовали также «помощи для обзаведения земледельческими орудиями, рабочим скотом». Крестьянские делегаты Самарского уездного съезда были не столь решительны в своих постановлениях по аграрному вопросу, принятых 17 мая 1917 г. Однако и они считали необходимым «довести до сведения Временного правительства о прекращении всяких сделок по купле-продаже, об отмене всех старых арендных контрактов и принятии необходимых мер для временного разрешения крестьянского вопроса, особенно в тех районах, где тяжелое земельное положение» [10, л. 16].

Состав делегатов губернских крестьянских съездов, проходивших в апреле–июне 1917 г., отличался от состава первых крестьянских съездов, а также большинства уездных съездов. В период демократических свобод условия выборов на II губернский крестьянский съезд дали возможность наибольшего представительства на нем всех категорий крестьянства, причем эти выборы проводились на основе «прямого и тайного голосования всего населения Самарской губернии, за исключением Самары и уездных городов, в возрасте от 18 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания». Облеченные доверием крестьянства губернии, делегаты съезда чувствовали себя законодателями, заявляя, что «явились сюда не ждать, чтобы преподнесли закон, а сами должны создавать закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит». Они же заявили: «Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает». В результате категорического требования немедленной передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, эсеры вынуждены были на съезде изменить свою тактику по аграрному вопросу, чтобы не потерять доверия среди крестьян. Они предложили избрать земельную комиссию по выработке правил пользования землей до Учредительного собрания, в которую вошли по 5 делегатов от каждого уезда, по 1 представителю от социалистических партий, по 1 человеку от городов губернии и все докладчики по основным вопросам повестки съезда [29, с. 51–52].

«Временные правила пользования землей», разработанные земельной комиссией под председательством эсера П.Д. Климушкина, были приняты на съезде после ожесточенных споров. Эти правила в корне подрывали основы частной собственности, т. к. передавали «все земли — частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные и вообще все земли, необработываемые собственным трудом... в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таких нет, то Комитетов народной власти, которые и становятся от сего времени фактическими

их распорядителями...» [29, с. 53–55, 112]. Приняв данные правила, руководители губернского Совета крестьянских депутатов вынуждены были защищать их основные положения, пойдя на обострение отношений с ЦК партии социалистов-революционеров и министерствами земледелия и внутренних дел Временного правительства. Уже на съезде П.Д. Климущкин, зачитав постановление Всероссийского Совета крестьянских депутатов по аграрному вопросу, заявил: «Хотя мы и приняли в основу своих работ эти пожелания, но не целиком. В некоторых местах мы с ними расходимся коренным образом. Например, там арендная плата вносится помещиком. Своими постановлениями Всероссийский Совет крестьянских депутатов ведет нас в яму...» [29, с. 118].

В связи с победой радикалов в аграрном вопросе, утвержденной во «Временных правилах», взаимоотношения власти и общества в Самарской губернии еще более усложнились. Эсеровское руководство исполкома крестьянского Совета и губернского земельного комитета предприняло попытки «утвердить постановления крестьянского съезда, как уже проводимые на местах и вошедшие в жизнь» [7, л. 48]. Министерства внутренних дел и земледелия Временного правительства, куда они обратились с соответствующими ходатайствами, ответили отказом. Эти постановления коренным образом расходились с указами правительства, объявившего неприкосновенность частной собственности. В ответ на это 23 июня 1917 г. Самарский губернский Совет крестьянских депутатов заявил, что «до выяснения отношения всего Временного правительства к постановлениям II Самарского губернского крестьянского съезда предлагает на местах руководствоваться только Временными правилами пользования землей, выработанными... съездом» [10, л. 24].

Крестьянские комитеты не преминули воспользоваться предоставленными возможностями и приступили к осуществлению решений съезда. «После состоявшегося II Самарского губернского крестьянского съезда начался по губернии массовый организованный захват крестьянами частновладельческих земель... через местные земельные комитеты», — жаловался поверенный сельскохозяйственного и торгово-промышленного товарищества Соколова и Самойлова в губернский земельный комитет [9, л. 651]. В свою очередь, низовые комитеты народной власти и земельные отмечали, что «проведение на местах правил II губернского крестьянского съезда, предусматривающих удовлетворение нужд малоземельных и безземельных... не вызвало особых осложнений, но с образованием союза посевищников, во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности, положение ухудшилось... Такие меры противодействия не установили, конечно, хороших отношений между помещиками и крестьянами» [8, л. 6–7].

Социалисты-революционеры, занимавшие все руководящие посты в Самарском Совете крестьянских депутатов, вынуждены были исполнять волю съезда. Поэтому они поддерживали низовые крестьянские комитеты, проводившие конфискационные мероприятия в отношении помещичьей собственности на землю. Таким образом деятельность волостных комитетов координировалась не местной администрацией Временного правительства, а губернским Советом крестьянских депутатов. Эсеры при этом не только расширяли социальную основу партии, но и приобретали рычаги вхождения во власть [18].

Оценивая решения крестьянских съездов по аграрному вопросу, необходимо отметить несомненное их влияние на поляризацию социальных сил в поволжской деревне летом 1917 года. Все они с большей или меньшей степенью радикализма своими резолюциями и правилами по аграрному вопросу в корне подрывали всю систему частной собственности вообще и прежде всего помещичьего землевладения. Эти ре-

шения съездов рассматривались крестьянами-общинниками как правовая база для конкретных действий, направленных на черный передел на основах уравнительного землепользования. Крестьяне-собственники были немногочисленны, на съездах почти не представлены, т. к. действовал механизм общинного представительства. Поэтому аграрные «Правила» съездов предопределяли возврат в общинное пользование земель хуторян и отрубников.

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий по изъятию земли у частных собственников, объявляло решения крестьянских съездов незаконными. Это делало невозможным сотрудничество власти и общества. Местная администрация Временного правительства оказалась в чрезвычайно сложной ситуации: из центра требовали соблюдения «временной законности», а деревня реализовывала на практике принципы «социальной справедливости», как она их понимала. В ходе аграрного движения в Поволжье летом 1917 года сложились предпосылки для кризиса власти на местах. Это обусловило новый этап в развитии революции, характеризующийся расширением ее социальной базы, сменой политических сил во властных структурах.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 17.
4. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 2.
7. Государственный архив Самарской области (ГАСО) Ф. 823. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАСО Ф. 823. Оп. 1. Д. 1а.
9. ГАСОФ. 823. Оп. 1. Д. 9. Ч. 2.
10. ГАСО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6.
11. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886.
12. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101.
13. Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. Саратов, 1974. С. 95–100.
14. Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.) / под ред. И.М. Ионенко. Казань, 1973.
15. Известия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Пенза. 1917. 6 мая.
16. Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957.
17. Кабытова Н.Н. Крестьяне и власть в российской революции 1917 года // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск, 2010. С. 198–203.
18. Кабытова Н.Н. Тактика политических партий на крестьянских съездах 1917–1918 гг. // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право. Казань, 2012. С. 206–212.
19. Казанская рабочая газета. 1917. 9 мая.
20. Крестьянский съезд Симбирской губернии 20–21 марта 1917 г. Симбирск, 1917.
21. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
22. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
23. НА РТ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.

24. НА РТ Ф.190. Оп.1. Д. 13. Л. 65.
25. НА РТ. Ф.190. Оп.1. Д. 23. Л. 89.
26. НА РТ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
27. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 21. Л. 209–210.
28. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Пенза, 1957.
29. Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917. Самара, 1917.
30. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Казань, 1958.
31. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 год. Казань, 1919.
32. Симбирская народная газета. 1917. 11 апреля.
33. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1.
34. Татария в борьбе за победу пролетарской революции: сборник документов и материалов / под ред. М.К. Мухарямова. Казань, 1957.

*N.N. Kabytova**

ORGANIZATIONAL FORMS OF AGRARIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE VOLGA REGION

In the article the activity of provincial and district peasant congresses of 1917 in the Volga Region is analyzed, their influence on the solution of agricultural and peasant question during the revolution and formation of local power structures is shown.

Key words: agrarian revolution, peasant congresses, peasant committees and councils.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.